

Елизавета Дворецкая

ОГНЕННЫЙ ВОЛК

КНЯЗЬ ВОЛКОВ

Елизавета Дворецкая

ОГНЕННЫЙ ВОЛК
КНЯЗЬ ВОЛКОВ

В теле Огнеяра заперт зверь. И как ни пытался княжич приручить волчью сущность, природа оборотня взяла свое. Теперь Огнеяр вынужден покинуть родной Чуробор, отказаться от любви ясноокой Милавы и податься в лес. Там волку самое место. Но человеческий мир не отпускает оборотня. В Чуроборе разгорается ожесточенная битва за престол. Соперники достойны, могучи и коварны. Но у Огнеяра нет другого пути. Он должен вступить в эту судьбоносную схватку за право на власть. И за право вновь увидеться с той, которая смогла приручить волка...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5048-2

9 786171 250482

Елизавета Дворецкая

ОГНЕННЫЙ ВОЛК

КНЯЗЬ ВОЛКОВ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Д24

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *IvanovITCH*

ISBN 978-617-12-5048-2

- © Дворецкая Е., 2018
- © DepositPhotos.com / glediska, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ГЛАВА 1

На заре Ярилина дня алое сияние широко разливалось по небу, обещая хороший день. Но в ельнике и сейчас было сумрачно и неудобно. Зеленые раскидистые лапы застили свет, рыжая хвоя проминалась под ногами, пробирал сыроватый холодок, давая знать о близком болоте. Тропинка между елями была едва заметна, чужой и не найдет.

Выставив вперед локоть, Лобан старался защитить лицо от хлестких ударов еловых лап, и скоро весь рукав почти до плеча намок, хоть выжимай. По всему телу от него рассыпалась зябкая дрожь, едва утихшие боли в спине с каждым неловким шагом заново напоминали о себе. То и дело ветки цепляли за рубаху, норовили сбросить с головы шапку — еще поклоняешься Лесному Деду!

Выйдя на поляну, Лобан остановился ненадолго, перевел дух. Когда-то он сам, еще подростком, помогал строить эту избушку для ведуньи, но сейчас с трудом верилось, что она сотворена человеческими руками, а не выросла здесь сама собой, как гриб. Ее низкие стены были темны, как еловая кора, тяжелая дерновая крыша поросла мхом, крошечное окошко — в толщину одного бревнышка — смотрело на поляну, как черный глаз того света. До лесной нежити здесь было ближе, чем до живых людей, и живые не ходили сюда без большой надобности. А нужда крепче оглобли гонит.

С самого травеня, с того утра, когда звончевский воевода попросил Брезя к себе в отроки, Лобан с Вмалой не знали покоя. Едва хворь отпустила Лобана, как Брезь запросился в Звончев. Разными уловками и уговорами подождать его удерживали дома, но сколько же можно тянуть? Брезь перестал заводить разговоры о дружине, но Лобан знал своего сына. Как только он убедится, что отец может справиться со всей работой без него, он уйдет. А родичи вовсе не хотели его лишиться. Были и другие причины, побудившие Лобана тайком отправиться за помощью к ведунье, но все же он не сразу сумел заставить себя шагнуть к крыльцу.

Осенив лоб и плечи оберегающим знаком огня, Лобан направился к избушке. Рослого, здорового мужика с сединой в бороде проработала мелкая противная дрожь, как несмышленного ребенка в темной пустой избе. Ведунья не любила гостей и встречала их неласково.

Тяжесть мешка с пирогами — последней чистой муки не пожалели! — и берестянки меда придавали Лобану немного уверенности: все-таки не пустой иду. Он шагнул к серому низкому крыльцу и тут же отпрянул назад, едва сдержал возглас — со ступенек почти под ноги ему кинулась тускло-серой извилистой стрелой гадюка. Лобана прошиб холодный пот; гадина спряталась в папоротниках под стеной, а Лобан еще долго стоял, то глядя на качание широких зеленых листьев, то обшаривая взглядом крыльцо. Там стоял черепок с молоком, подернутым пленкой, с упавшими хвоинками. «Откуда молоко-то у нее? — мелькнуло в мыслях у Лобана. — Вроде не носили ей... Не от лосихи ли?»

Он еще раз оглядел крыльцо — других змей вроде бы не было.

— Заходи, коли пришел! — раздался из избушки сухой, неприветливый голос Еловы, и Лобан вздрогнул.

Одной рукой крепче прижав к груди поклажу, другой он снова осенился знаком огня, помянул Деда и толкнул влажную, разбухшую от вечной сырости дверь.

В избушке было темно, как в норе, и от темноты казалось очень тесно. Только окошко в стене светилось, как глаз в белый свет. Низко нагнув голову под притолокой, Лобан шагнул за порог, с опаской ступил вниз, на земляной пол; так и казалось, что сейчас под ногой заизвивается что-то живое. Запах сырости и еловой хвои в избушке был даже сильнее, чем на поляне, он словно сгустился и настоялся здесь, в вечной тьме, без солнечных лучей и ветра.

— Дверь прикрой, чай, не свадьбу ждем! — так же неласково приказал голос, и только по голосу Лобан разобрал, в какую сторону поклониться.

Ведунья сегодня была не в духе. Поспешно выполнив приказание, мужик поклонился раз, встряхнул своими приношеньями и поклонился снова, не зная, что с ними делать.

— На ларь поставь! — велел голос.

Глаза Лобана попривыкли к темноте, он разобрал громаду ларя возле самой двери. Он ткнул мешок и берестянку на крышку ларя, там что-то зашуршало, и Лобан поспешно отстранился. Ему, привыкшему к просторной и сухой родной избе, здесь было неловко, тесно и жутко, как в волчьей яме, даже хуже — в яме хоть небо видно.

— Я к тебе, матушка! — заговорил Лобан, снова кланяясь и подбирая к животу опустевшие руки. — Помоги моему горю! Ведь...

— Знаю! — бросила из угла ведунья.

Голос ее шел снизу, словно она сидела на полу, но Лобан не мог разглядеть ее в углу, куда совсем не проникал свет. Да в человечесьем ли она теперь облике? — мелькнуло у него сомнение. Покажись ему сейчас

огромная сова с круглыми глазами, он ужаснулся бы, но не удивился.

— Ведь сынок-то мой... — снова начал Лобан.

— Лишнего не говори! — оборвала ведунья. — Боги все знают, а Лес все слышит. Чего от меня хочешь?

— Чего мне хотеть? — Лобан растерянно развел руками. Теперь он уже различал неясные очертания женщины, сидящей на полу. — Одного прошу у богов — в старости покоя, рода продления. Один он у меня. Не он, так и... Девки со двора улетят — кто меня в старости утешит?

— Судьбой и боги не владеют, она ими владеет.

— Чтобы сын мой дома остался — только того и прошу.

— Ну так привяжи за ногу — авось не убежит! — с издевкой ответила ведунья. — Парень молодой, здоровый — кто же его удержит? Да и обещали вы воеводе, что отпустите. Гривну взяли за него!

— Вот мы что надумали, — нерешительно заговорил Лобан. — Женить бы его. От жены, поди, не убежит и к воеводе. А мне бы внуков повидать, пока жив.

Из угла раздался тихий звук, похожий на скрип сухого надломленного дерева, — ведунья засмеялась. Лучше бы бранилась — от смеха ее брала жуть, как будто нечисть и нежить уже опутали тебя невидимой сетью и радуются поживе. Правду говорят — доброго духа вещей человек в ельнике не поселится.

— Мало ли девок? — спросила Елова. — Что лягушек в болоте!

— Мало — немало, да ведь он не глядит более ни на кого. Все свою прежнюю вспоминает. А неволить — сердце не камень. Сын ведь, родная кровь.

— Кровь... — протянула ведунья, и непонятно было, удовольствие или отвращение вызывало у нее это слово. — Кровь спит, кровь молчит... Приворожить сына хочешь? Сам, своей волей, хочешь ему кровь разбудить?

— А... ведь... — Лобан мялся, но ведунья молчаньем требовала ответа, и он выдохнул, словно в прорубь кинулся: — Да ведь надо род продолжать! Хотя как — коли иначе боги не дают.

— Не тебе знать божью волю! — воскликнула ведунья, и у Лобана упало сердце — не хочет помочь. — Своей судьбы и сам Отец-Сварог не знает, а что знает — переменить не может. Откуда тебе знать, в чем судьба твоего сына? Боги у него отняли невесту — может, они ему непростой путь готовят, может, в Кошное владение дух его за ней устремится, тайны ему откроются, станет он вещим человеком, даст ему Велес песенный дар, или смертный страх отнимет и будет твой сын витязем славным, никем не победимым? Он идет дорогой своей судьбы, а тебе только и заботы — дома его держать, возле печки, к бабьему подолу привязать?

— Ой, да что ты такое толкуешь? — Лобан оторопел, замахал руками, словно гнал прочь безумные видения. — Мало ли баб мрет, что же, всем мужикам теперь...

— Баб немало мрет, да не все мужики полгода на свет не глядят.

— Чего не глядит? — Лобан даже осмелился возражать, так не понравились ему речи ведуньи. — Еще как глядит! Парень как парень, от работы не бегаёт, от людей не прячется, песни поёт. Отрока того вон как приложил...

Ведунья опять засмеялась, и Лобан запнулся — ему показалось, что он сказал несусветную глупость, а ведь все было по правде! В избушке повисла тишина, и Лобану казалось, что он ощущает на своем лице взгляд ведуньи, протянутый из темного угла, как липкую паутину.

— Ну, коли ты за сына его судьбу решил... — начала ведунья.

— Что ты, матушка! — прервал ее Лобан, совсем растерявшись перед непонятными вопросами ведуньи

и ответами еще хуже вопросов. — Где мне? Как люди, так и нам бы. А коли не прав я, так ты скажи!

— Сам Сварог о своей судьбе спрашивать ходил, а что услышал, и того не понял, — размеренно ответила Елова. Голос ее стал безразличным, тусклым, как осеннее небо. — И в Верхнем Небе не тот решает, кто знает. Чего просишь, то тебе и дам. Да помни потом — сам хотел. Говори: кого в невестки хочешь?

— Да все равно! — с горечью ответил Лобан. — Кто ни будет...

— После не пеняй — кто будет, я не знаю, да уж сорвал гриб — назад не посадишь.

Лобан молчал, а ведунья быстро встала на ноги, с колен ее метнулся в угол маленький черный зверек. В другом углу висели связками и пучками целые охапки трав. Елова прошла туда и принялась рыться в травах, не глядя на Лобана. Травы тихо шуршали, веточки и листья падали на пол, волны всяческих лесных запахов, знакомых и вовсе неведомых, окутали Лобана. В носу у него защекотало, словно маленькая проказливая Болотница просунула тонкий коготок, и он задержал дыхание, чтобы ненароком не вдохнуть чего-нибудь, не ему предназначенного.

Наконец Елова вышла из лесного снопа, вся обсыпанная сухой зеленой трухой, до жути похожая на Лесовицу. В руках у нее был зеленовато-серебристый стебель с длинными узкими листьями. Сперва Лобан не понял, что это такое, но тут же его кольнул смутно знакомый, тревожный, запретный запах — любомель, любба-трава, туманящая разум и зажигающая кровь, наполняющая тело томленьем. Лобану стало стыдно, но тут же он сам себе напомнил: за тем и пришел. Кому боги помогли, тот у болота помощи не просит.

Не глядя на него, Елова обеими руками поднесла к лицу стебель и стала шептать, овевая дыханьем каждый листочек:

Трава-любомель, проснись, пробудись,
 К словам моим обратись, мне подчинись!
 Бери кремень и огниво,
 Разожги сердце ретиво,
 Мечи в очи дым, в кровь яр огонь,
 Мечи яр огонь в кости и в жилы,
 В семьдесят суставов,
 Полусуставов, подсуставов,
 Чтоб тоска твоя горевала,
 Плакала-рыдала,
 Бела света не видала...

Ведунья бормотала дальше и дальше, всех слов Лобан уже не разбирал, но быстро покрывался холодным потом, словно волшебная сила, которой наделялась трава-любомель, черпалась Еловой из него самого.

— Держи! — Елова протянула ему наговоренную траву, и Лобану вспомнилась тускло-серая гадюка, метнувшаяся ему навстречу у крыльца.

Пересилив себя, он взял траву, стараясь не коснуться пальцев ведуньи.

— Дальше сам догадаешься или обучить? — со злой насмешкой спросила Елова. Лобан так и держал траву перед собой, не зная, куда и как спрятать.

— Спасибо, матушка! — глухо ответил он и поклонился, убрал руку с любимелем за спину.

— Смотри — будут внуки лишние, я приберу! — крикнула ему вслед ведунья и опять засмеялась, зашипела.

Лобан толкнул дверь и выскочил наружу, как из ямы. Хорошо еще, ведунья не потребовала отдать ей одного из будущих внуков — нет, на такой уговор он бы не пошел!

Даже сумерки и прохлада ельника показались Лобану светом и теплом после избушки, и он кинулся прочь, будто тьма и сырость гнались за ним, тянули из избушки цепкие костлявые лапы, грозили затащить обратно. Зажатый в пальцах любомель дразнил тонким, остро тревожащим запахом, и Лобан отвернулся от него, словно нес зачем-то дохлого гада. И это — сыну родному, в светлый Ярилин день?

Выйдя из ельника в березняк, Лобан наломал березовых веток и спрятал между ними любомель, чтобы не идти с ним по займищу на виду у всего рода. Но все равно тонкий запретный запах пробивался через чистое дыхание свежей березовой листвы и покалывал, как напоминание о постыдном поступке.

* * *

— Эй, Лобан! Раньше всех поднялся, видно, первое счастье себе ухватил? — весело кричали за тыном.

Заслышав голоса родовичей, Спорина с недоплетенной косой выбежала за ворота. Так и есть — отец идет от опушки, и в руках у него целая охапка березовых ветвей. Сначала Спорина удивилась и даже рассердилась — да дошел ли он, куда ходил? Нет, мешка и берестянки при нем больше не было, стало быть, дошел. Не под березой же оставил пироги, Ладе и берегиням на угощение! Богиня Лада уже не поможет. Она свое слово уже сказала, да только кануло оно, как золотое кольцо в черную прорубь.

Лобан вошел в ворота, и Спорина торопливо подалась ему навстречу. С белой зари, проводив отца в ельник, она мучилась тревогой и нетерпением. По напряженному взгляду отца она догадалась: и был, и говорил, и дело сделал. Но сейчас спросить не удавалось: сам Березь был

на дворе, с плеском умывался у бадейки, а Милава поливала ему из ковша.

— Вот славно, батюшка! — весело закричала она, увидев отца с охапкой березы. — К нам Ярило раньше всех пришел! Даже Бебричи и то вот-вот мимо нас пошли в березняк, а ты уж назад! Даже раньше Востреца! Что же ты нас не разбудил?

— А уж Востреца один заяц обгонит! — со смехом подхватил Брезь, вытирая мокрый лоб рукавом рубахи.

Милава сдернула с плеча вышитое полотенце и сунула ему в руки. Глядя на этого рослого, здорового, румяного парня, никому и в голову бы не пришло, что ему нужна помощь ведуньи.

Милава потянулась к охапке ветвей в руках Лобана, но отец поспешно отстранился.

— Сам, сам разложу! — сказал он, видя удивление на лице младшей дочери. — А ты беги собирайся, а то от сестер отстанешь!

— Беги, беги! — подхватила Спорина, торопясь избавиться от Милавы. — Негоже отстать — в первую-то весну! Так и замуж идти отстанешь!

— А ты сестру не погоняй — сама сперва выйди! — вступился за Милаву Брезь.

— Да ну тебя! — с неожиданной злобой огрызнулась Спорина. — С тобой выйдешь!

И она бросилась в избу, куда ушел Лобан с охапкой березы. Спорине не терпелось расспросить его о походе к ведунье — это был ее замысел. Ей стоило немалых трудов уговорить отца просить о помощи Елову, и, кроме них двоих, об этом не знал никто во всем роду Вешничей, даже мать.

— Ну что? — взволнованно напустилась Спорина на отца, прикрыв за собой дверь из сеней и с одного быстрого

взгляда убедившись, что в избе больше никого нет. — Что она сказала?

— Сказала... — начал Лобан и запнулся, не пытаясь даже передать темные речи ведуньи. — Вот что дала.

Он вывалил охапку березовых веток прямо на стол, осторожно разобрал их и вынул из груды стебель любомеля. Спорина схватила его, осмотрела, понюхала; сообразив, что это такое, она поспешно бросила его снова на стол, на ее лице был испуг.

— Прибери! — сурово велел ей отец, оглядываясь на дверь. Со двора слышались голоса Брезя, Милавы, матери, брата Бебри, смех и возгласы Бебриных дочек.

— Уж что просили, то и получили, — невольно повторил Лобан слова Еловы. — А коли взяли, так теперь назад не отдашь. Он словом сильным заговорен. Подумай лучше, как его теперь...

Лобан не решился сказать вслух, но Спорина и сама понимала: теперь нужно как-то дать эту траву брату. И хотя впереди почти весь русалий месяц кресень был еще впереди, ей хотелось поскорее довести свой замысел до конца. Спорине некогда было ждать!

Она снова схватила любомель со стола, торопливо огляделась, сдернула тряпку с горшка и завернула в нее сухой стебель. Сунув его в ларь со своим приданым — сюда никто не полезет, — Спорина потерла ладони о бедра, словно хотела стереть следы коварной травы. Но тонкий запах не спрятался весь вместе со стеблем, а продолжал тревожить отца и дочь.

— А ну и пусть! — шепотом, упрямо и вызывающе воскликнула Спорина, отвечая уколам совести и тревоги, терзавшим их обоих. — Пусть! Что же ему, уйти от нас? На чужую дружину родичей променять? И весь век бобылем оставаться, людям на смех, роду на позор! И мне с ним! Мне-то за что? — Лицо Спорины исказилось

яростной досадой, копившейся в ней целых полгода. Прядка волос упала ей на лицо, она раздраженно заправила ее за ухо. — У, проклятые! — сама не зная кого обвиняла она. — Полгода хожу сговоренкой, ни почелка, ни повоя, так и поседею с вами, люди засмеют!

— Ну, тише, тише! Услышат! — Лобан обнял старшую дочь за плечи, погладил по растрепанной, ничем не покрытой голове. — Уймись. Теперь-то все на лад пойдет, — утешал он не то Спорину, не то самого себя. Вот увидишь — завтра же Брезь будет с невестой, а там на Купалу и твою свадьбу сладим. К Медвежьему дню уже с двумя внуками буду! Эх, помогите нам, чуры наши добрые!

Поверх головы Спорины Лобан посмотрел в дедов угол и вздохнул. Велесов Сноп уже был давно растерт на зерна, смешан с зерном для нового посева и возвращен Матери-Земле, а без него в избе было неуютно, как неуютно детям без защиты и присмотра взрослых.

Стукнула дверь сеней.

— Чего закрылись, будто зима на дворе! — задорно прокричал голос Брезя. — Не Снеговолок ломится, не Костяник, а сын родной!

Спорина выскользнула из рук отца, торопливо пригладила волосы. Лобан взял со стола ветку березы и стал прилаживать ее под матицу. Спорина кинулась ему помогать, и к приходу Вмалы с лукошком свежих яиц уже вся изба зеленела и благоухала березовой листвою.

Явились Брезь и Милава, со смехом гонясь друг за другом и норовя хлестнуть березовой веткой, в избе сразу стало шумно и тесно. Милава кинулась разжигать огонь в печи, загромыхала железной сковородой. Сегодня она впервые шла вместе с другими девушками-невестами угощать березки, приносить жертвы богине Ладе. Она не просила жениха, как другие, — он у нее уже был. Она думала об Огнеяре, и этим ясным утром Ярилина дня,

в день праздника юности и любви, умом и сердцем она верила, что он еще вернется к ней и все будет хорошо. Сегодня она забыла все свои тревоги и сомнения, не хотела их знать. Свежая зелень листвы, яркое солнце обещали ей счастье, и она верила им.

— Батюшка-Огонь, всем отцам отец, всем князьям князь! — бормотала она, стоя на коленях перед глиняной печкой, упрасывая Огонь не погубить самую важную яичницу во всем году. Когда просто так — все удастся, хоть князя принимай в гости, а как в рощу идти кланяться Ладе и берегиням — так все из рук валится!

— Да не суетись ты! Хуже пожара! — досадливо крикнула на нее Спорина, когда Милава, неловко повернувшись, ткнула ее в бок деревянной рукояткой сковороды. Сама она еще три года назад впервые пошла с жертвой в березняк и совсем забыла, как волновалась тогда.

— Не ворчи под руку! — в ответ крикнул ей брат и даже дернул за косу. — Сама не идешь — другим не мешай!

Спорина злобно отпрянула от него в сторону, закусила губу, но промолчала. За те полгода, что она была сговорена, но из-за брата ее не пускали замуж, ее родственная любовь к Брезю превратилась в досаду, раздражение, почти неприязнь. Может быть, светлое утро Ярилина дня в избе Лобана омрачилось бы ссорой, но со двора раздалось пение нескольких звонких девичьих голосов:

Пойдем, сестричка,
Завьем веночки!

Это девушки Вешничей обходили избы, собирая сестер. Ахнув, Милава заметалась по избе, кинулась то в дедов угол, где ждали испеченные еще вчера пироги, то к ларю, где хранилась рубаха в дар берегиням. Приглаживая на ходу волосы, оправляя нарядную рубаху и вышитый красный почелок на голове, Милава стряхнула еще горячую

яичницу в горшок, сгребла в охапку пироги и рубаху и побежала на двор. Брезь смеялся, Лобан и Вмала улыбались ей вслед, ласково качали головами.

— И не оглянулись — и меньшая уж невеста! — со светлым вздохом сказала Вмала.

Казалось, только вчера сама она была такой же девушкой с пестрыми птичьими перышками, украшавшими почелок, как носили в роду Скворичей.

— Ладно, давай-ка завтрак собирай! — сказал жене Лобан. Он видел замкнутое лицо старшей дочери, жалел ее и хотел скорее кончить разговоры о невестах.

Едва домочадцы Лобана уселись за стол, вокруг большого горшка с горячей ячменной кашей с конопляным маслом, как в дверь постучали.

— Чурам поклон, внукам мир и достаток! — раздался густой мужской голос, и Спорина тут же вскочила из-за стола, кинулась впускать и приветствовать гостя.

Вошел невысокий, но плотный русобородый мужик, чуть постарше Лобана, в рубахе, вышитой ветвистыми оленьими рогами, что указывало на род Боровиков. Это был Закром, отец жениха Спорины. В голосе девушки, звавшей гостя к столу, была неподдельная радость: приход будущего свекра именно сейчас показался ей добрым знаком.

Брезь вышел устроить коня, Закрома усадили за стол, дали новую липовую ложку. Спорина больше не села — «Сыта, батюшка!» — ответила она Закрому, с удовольствием назвав его отцом, и с чистым рушником встала за его плечом, готовая подать что-нибудь, волнуясь, то и дело поправляя волосы. Без почелка, который нареченной невесте не пристал, ее волосы вечно расползались, лезли в глаза, и Спорина не могла дожидаться того дня, когда они наконец надежно спрячутся под женским повоем.

— Хоть и рад я вас всех повидать, а ведь не от безделья за столько верст ехал, — заговорил Закром, отдав честь

хозяйскому угощению. — Потолкуем, родичи мои любезные, как наше дело торговое? — Он оглянулся на Спорину, и она выразительно вздохнула: прямо сейчас бери меня, батюшка, и вези к себе, я только того и жду! — Что ваш набольший-то говорит?

— Что раньше, то и теперь! — с досадой и стыдом ответил Лобан, хотя его вины тут не было. — Пока, говорит, себе невестку не приведете, девку в Боровики не отпустим. Мы, говорит, не так людьми богаты, чтобы своих отдавать, а себе не брать.

Из сеней вошел Брезь. Он слышал последние слова, понял, о чем идет речь; лицо его напряглось, он больше не пошел к столу, а сел на край лавки у порога.

— А что о невестке мыслите? — спросил Закром у Лобана. — Одна у вас померла, да ведь не последняя была девка на белом свете! Моховики вам теперь должны дружную девку дать взамен. А коли другие у них плохи — у Черничников девок полно, подросли, как грибы, с приданым отдают — только возьмите! Да и из Бортников тамошний кузнец давеча зазывал свататься — дочь у него подросла, сама как пчелка медовая! Что сам-то думаешь?

Закром обернулся к Брезю.

— Что думаю? — повторил Брезь. — В Звончев думаю идти, меня тамошний воевода в свою дружину звал. Родичи согласны были, уже и гривну за меня взяли. Слава Велесу, батюшка мой поправился — теперь вот-вот уйду.

Закром изумленно приоткрыл рот — совсем не такого ответа он ждал.

— Не слушай парня неразумного! — сказал Лобан Закром, суровым взглядом приказывая сыну молчать. — Как взяли гривну, так и назад отдадим, а твердого уговору не было. Мало у нас людей в роду, чтоб на все четыре стороны здоровых парней отпускать! Не пойдет мой сын

из рода. Ныне же он себе невесту высмотрит, и на Купалу обе свадьбы справим. Возьму я в дом невестку, а дочку мою вам отдам. Пусть чурь наши будут послухами: после Купалы Спорина моя в ваш род войдет!

— Вот это добрый разговор! — одобрительно воскликнул Закром. — Вот, давно бы! Как зима ни холодна, а всякий раз весной сменяется! И сердце человечье погорюет-погорюет, да и оттает опять!

Закром оглянулся к Брезю. Парень сидел, опустив голову, свесившиеся пряди волос закрыли ему лицо. Он ждал этого. Что ж — придется ему уходить, не прощаясь. Воевода Пабедь примет его и без благословения родичей. Брезю горько было думать, что его проклянут и забудут, но здесь ему жизни не было. Теперь еще заставляют жениться, а он не мог представить другую женщину своей женой и матерью своих детей. Мать Макошь судила ему Горлинку — или она, или никто.

Но возражать было бесполезно, никто не стал бы сейчас его слушать. Решают старшие, а его дело — исполнять.

Когда Лобан с домочадцами провожали гостя, солнце уже перешло за полдень, воздух налился теплом, золотые солнечные лучи обливали ближний березняк. Шумели свежие березовые ветви над дверями каждой избы, по всему займищу звенели веселые голоса, Лада и Ярило вошли в каждый дом, обещая детям силы и здоровье, молодым — счастье в любви, старикам — мирную и легкую старость.

Милага притащила из березняка огромную охапку свежей травы с цветами, с листьями земляники — как только донесла! — и засыпала травой весь пол в избе. На полу и на стенах теперь шелестела зелень, пахло березовой листвой, травой и цветами, словно сам березняк зашел в дом погостить. После своего первого величания

березок Милава была взволнована и счастлива, пела, смеялась, радостно рассказывала, что было в роще, то и дело сама себя прерывала на полуслове и тревожно оглядывалась на отца и брата: не сказала ли чего-нибудь такого, чего нельзя слышать мужчинам?

Родители и брат улыбались, слушая ее, и только Спорину не трогала радость младшей сестры. Травя любомель не шла у нее из ума. Мало было получить траву у ведуньи — как ее дать брату? Он не больной, не нечистый, чтобы есть из особой миски, а в общий горшок любомель ведь не положишь! Похлебка и жареный ягненок на обед ничем не могли ей помочь, и Спорина волновалась тем больше, чем ближе был вечер. Но отступаться от замысла она не собиралась. Спорина знала, что и ее свадьбе не бывать прежде братовой. Время идет, жених ждет, сердится, да и самой надоело ходить в сговоренках — ни Зимерзле метель, ни Яриле капель! Никто по полгода не ждет, она одна, как недужная какая! А все из-за Брезя упрямого. И чего он тянет? Не так уж хороша была его прежняя невеста, чтобы теперь на других девок не глядеть!

Перед вечером Милава опять убежала к сестрам, отец и Брезь стучали топорами на дворе, а Вмала и Спорина пекли пироги. Тайком Спорина достала из ларя стебель любомеля, отщипнула пару листочков, растерла между ладоней в мелкую пыль. Выждав, чтобы мать отвернулась, Спорина схватила из чаши с приготовленной начинкой горсть рубленого яйца с луком и вмешала туда любомель. «Помоги, боже-Ярило, сладить дело; как пирог лепится, так пусть брат мой Брезь к девке ладной прилепится!» — про себя взывала Спорина, залепливая края пирожка. Вдавлив в свежее тесто сухую ягодку брусники, Спорина сунула пирог к остальным и торопливо, в который раз за этот день, отерла руки.

Когда в небе засерели сумерки, вся молодежь Вешничей, Черничников, Моховиков, Боровиков, Бортников стала собираться к берегу светлой Белезени, к широкой луговине перед березняком, где когда-то еще дедушки их повстречали бабушек и где широкие круги из гладких камней отмечали места священных костров. Все шли нарядные, веселые, с венками на головах, со свежими березовыми ветвями в руках, по дороге пели, братья и сестры дразнили друг друга, хлестались березовыми ветками.

Милава нарвала целую охапку цветов и сплела два венка: себе и брату. Ее тоже совсем не радовало желание брата уйти из рода — она любила его больше всех родичей и мысль о разлуке была ей тяжела. Ей тоже казалась спасительной мысль о его женитьбе. Она понимала любовь брата к Горлинке и нежелание заменить ее другой — так и сама она не думала даже заменить Огнеяра другим. Но все же она была бы счастлива, если бы Брезь одолел свою тоску по умершей и нашел другую невесту.

— А помнишь, у меня в Бортниках подружка есть, Брусничка? — заговорила она на ходу, держа под мышкой пучок цветов и зелени, прижимая к груди недоплетенный венок. — Мы с ней одной весны, она тоже теперь невеста. Вот ее бы к нам! Она лучше всякой ведуньи скотину заговаривать умеет, а вышивать я так и к старости не выучусь! Вот бы тебе ее взять — как нам с ней хорошо будет, мы вовек не поссоримся! Ну, и тебе тоже...

Брезь улыбнулся любимой сестре и ласково потрепал ее по затылку, по светло-русым волосам, украшенным пышным венком.

— Ах, заботница моя! О невестке хлопочешь, да ведь тебе самой недолго с нами жить! И не оглянемся, как тебя добрый молодец из дому умчит!

Милава решительно замотала головой.

— Я так быстро не хочу. Спорину увезут, кто ваших детей будет качать?

— Вот, глянь, как Спорина о нас позаботилась! — Брезь вынул из-за пазухи пирог, завернутый в холстинку. — На прощание дала. Видно, боялась, что от голода ослабеем, до Белезени не дойдем! Хочешь?

— Дома наелись... Ой, чего это? — Милава ковырнула темное пятнышко на румяном боку пирожка. — Брусничка пристала! Ах, брате, верно говорю — Брусничку будешь сватать!

Милава со смехом хлопала в ладоши, даже запрыгала на месте, роняя цветы, очень довольная таким удачным предзнаменованием. Брезь тоже усмехнулся, откусывая от пирога. Он совсем не помнил лицо Бруснички, да уж, наверное, она ничем не хуже других. Но и такой, как Горлинка, уже не бывать. Даже сейчас, через полгода после смерти невесты, все другие девушки казались Брезю серыми уточками рядом с белой лебедью, но лебедь эта жила только в его памяти. Сознание долга перед родом смущало Брезя. Он видел огорчение матери, лишенной невестки и внуков, досаду отца, который не мог отдать Спорину Боровикам и оказался нарушителем уговора. Он не знал, как примирить их с его судьбой и себя с ними, и старался не думать об этом.

Пару раз откусив от пирога, Брезь бросил его в густую траву — Лесовички подберут. Есть ему совсем не хотелось.

На широкой луговине уже горели костры — Моховики и Бортники поспели раньше. Вешничей встретили веселыми криками, стайки молодежи смешались, братья и сестры из разных родов здоровались, расспрашивали и делились новостями. Милава кинулась искать Брусничку и скоро привела к Брезю за руку высокую, стройную, румяную девицу с большими серыми глазами, которые

она застенчиво отводила, но то и дело поглядывала на Брезя. Милава с детства прожужжала ей уши о том, какой у нее красивый, умный, смелый, веселый брат, и Брезь понравился Брусничке.

Брезь улыбался, видя старания младшей сестры ему помочь. Он помнил, что ничего не выйдет, что дня через три его уже здесь не будет, но не хотел напоследок отказываться от общего веселья. Ну, Брусничка так Брусничка! Красивая девица, здоровая, и нравом неплоха, раз с Милавой дружит. И когда Белянка, самая бойкая девица Боровиков, криками и хлопаньем стала созывать всех в хоровод, Брезь взял Брусничку за руку и повел к кострам. Они плясали и кружились с ней вместе, Брусничка смотрела на него уже смелее, смеялась, на щеках ее горел густой румянец — за него, верно, и имя получила. Ее горячие пальцы сильнее сжимали руку Брезя, глаза ее блестели Ярилиным огнем, всеобщее веселое возбуждение захватывало их и несло. Свежие запахи травы и цветов, смешанные с дымом костров, пьянили и кружили голову, давняя печаль его прошла, как весной проходит холод, унесенный теплым дыханьем Ярилы. словно не было всего этого года — Брезь опять стал тем ловким, красивым, веселым парнем, который Ярилиным днем прошлого года на этой же луговине увидел среди Моховиков невысокого роста ладную девушку с милым округлым лицом и мягкими длинными косами — Горлинку.

Вдруг Брезь остановился, прижал руку ко лбу. Ему казалось, что его на всем скаку сбросил конь и теперь он едва встал на ноги и не может сообразить, куда попал. Все вокруг него кричало, смеялось, несло, прыгало, мелькали белые рубахи, пестрые венки, озаренные красными и рыжими отблесками огня. Он словно раздвоился: первый Брезь возле костра держал за руку высокую девушку с румяными щеками, а другой стоял один и провожал

глазами девушку с двумя косами, лежащими на груди, как носили в роду Моховиков.

Выпустив руку Бруснички, Брезь сел на траву, не подумав даже, что об него кто-нибудь споткнется: перед глазами у него все плыло, он не мог понять, где он и когда он. Два Брезя внутри него рвались в разные стороны: один к Брусничке, такой милой, горячей, румяной, а второй все искал Горлинку, легкую, неслышную, как тень. Ее мягкие косы, ясные голубые глаза, спокойные и глубокие, как воды Святоозера в тихий летний день, стояли перед его взором так ясно, что казалось — она где-то рядом, неслышно скользит за плечом, только обернись — и увидишь ее.

— Ты чего, Брезь? — Знакомый голос звал его, теплая рука тормошила за плечо. Брезь поднял голову: к нему склонялась Брусничка, но лицо Горлинки вдруг выплыло откуда-то, заслонило ее, слилось с ней.

А кругом веселились, руки братьев и сестер подняли Брезя и опять потянули в хоровод, звонко смеялись девушки, какая-то сорвала с его головы венок и надела взамен свой — Брезь даже не успел увидеть, кто это был. Теперь он пришел в себя, но какая-то сила тревожила его, как лихорадка, дергала в разные стороны, не давала собраться с мыслями. Брусничка смотрела на него с испугом, не смела даже спрашивать, что с ним. Брезь старался улыбнуться ей, чтобы успокоить, но сам себя не понимал, ему хотелось то обнять ее, то оттолкнуть прочь.

Затеяли играть в «просо сеяли». Парни и девушки выстраивались один род против другого и поочередно шли навстречу, держа за руки, притоптывая в лад и выпевая:

А мы просо сеяли, сеяли!

Ладо-ладо, сеяли!

А мы просо пололи, пололи!

Теперь Брусничка была в стороне, а Брезь держал за руку раскрасневшуюся, запыхавшуюся, взволнованную и счастливую Милаву. Сын Долголета держал за руку нарядную Веснавку и подмигивал Брезю на Милаву: поменяемся? «Поймай сначала!» — подумал Брезь, зная, как легка на ногу его сестра. А быть пойманной она пока не хочет. А чего хочет Брусничка? А он сам?

— А мы просо вытопчем, вытопчем! — весело грозили девушки Моховиков, задорно поглядывая глазами, блестящими в свете костров, на правнуков Вешника.

— А мы коней выловим, выловим! — дружно отвечали те.

За выловленных коней полагается выкуп — девушка. По знаку оба ряда рассыпались и девушки с визгом бросились бежать по луговине к березняку. Полутемный березняк мигом наполнился смехом, криками, шорохом бегущих по траве ног, шелестом ветвей, задевающих за рубахи.

Брезь кинулся бежать со всеми, не выпуская из вида Брусничку.

Но едва он вступил в березняк, как непонятная лихорадка накинута на него снова: две сильные руки тянули его в разные стороны, отталкивали друг друга, одна толкала следом за Брусничкой, а другая держала на месте. Брезь остановился, перевел дух, вытер рукавом лоб, прислонился к березе, пытаясь прийти в себя. И тут же ему вспомнилось, как год назад он бежал по этой роще, догоняя Горлинку, видел впереди меж светлых стволов ее белую рубаху, блеск ее мягких кос. И видение это было так прекрасно, что Брезь не хотел открывать глаза, а стоял, поглаживая рукой прохладную кору молодой березки, гладкую, нежную, как щечка юной девушки. Кружение и звон в голове успокоились, но Брезь уже не помнил, за кем он гнался, когда вступил в березняк. Одна из двух

сил победила. Вот по этой прогалине бежала Горлинка, а он мчался за ней, захлебываясь душистым ветром, трава хлестала его по ногам. Вот под той березой Горлинка остановилась, словно задохнулась и не могла больше бежать, обняла березку и скользнула за ствол, прячась за белую сестру, а он с разбегу обнял их обеих, и Горлинка подняла к нему лицо, пылающее от бега и счастья...

Брезь уже не помнил, что с тех пор прошел целый год, ему казалось, что это было только что, что он почему-то отстал, потерял свою любимую, и он огляделся, отыскивая ее. Уже взошла луна, лучи ее ясно заливали березняк, меж светлых стволов было видно далеко, но нигде поблизости больше не было людей, крики и смех утикли.

Вдруг поблизости послышался тихий нежный голос, ласковый зов, окликавший его по имени. Он возник из шелеста березовой листвы, и Брезь вскинул голову, огляделся. Ему показалось вдруг, что светлый ствол той березы раздвоился, легкая белая тень отделилась от него, шагнула к Брезию. Трава колыхнулась, но он не услышал шагов. Из тени ветвей вышла девушка в длинной белой рубаше, с венком на голове, с двумя косами, лежащими на груди, как носили в роду Моховиков. Отсвет луны оживил ее лицо, и у Брезя захватило дух — он узнал черты Горлинки, такой же, как он запомнил ее. Охнув, он сильно потер ладонью глаза, но видение не исчезало — Горлинка наяву шла к нему по шелестящей траве, и лицо ее сияло красотой, как никогда прежде.

— Брезь! Милый мой! Это ты! — горячо и нежно заговорила она, протягивая к нему белые руки. — Ладо мой ненаглядный! Как я ждала тебя, везде искала — вот нашла наконец! Ты не забыл меня?

Она подошла совсем близко, Брезь уже мог бы коснуться ее протянутых рук, но стоял неподвижно, дрожа от волнения и едва переводя дыхание. Он не чуял земли

под ногами, не знал, явь это или сладкий сон, навеянный нежным шепотом березовой листвы. Но она, его любимая невеста, единственная Дева, стояла перед ним и протягивала к нему руки, от красоты ее занималось дыхание, весь белый свет замкнулся в кольцо вокруг нее.

— Что же ты стоишь? — с волнением и нежной тревогой воскликнула она. — Или ты забыл свою Горлинку? Или ты меня не любишь больше?

— Люблю! — воскликнул Брезь, сердце в нем перевернулось при звуке ее голоса, такого знакомого, родного, нежного.

— Любишь! — воскликнула Горлинка, и лицо ее вспыхнуло счастьем. Никогда она не была так хороша.

— Люблю! — снова крикнул Брезь и бросился к ней.

Он едва сумел коснуться ее протянутых рук, они были теплы и нежны, как лебединые крылья, а она бросилась бежать, как тогда. Длинные ее косы взметнулись, задев Брезю по лицу, на него пахнуло нежным и сладким запахом цветов, земляники и еще какой-то волшебной травы. Вся сила и непонятная дрожь, терзавшая его в этот вечер, вскипели горячим ключом, и Брезь кинулся вслед за ней, как на крыльях. А она летела впереди, едва касаясь ногами травы, вот-вот догонишь, светлая и легкая, как лунный свет, оборачивалась на бегу, лицо ее горело нежностью и счастьем, ветви сами отклонялись, давая ей дорогу, она смеялась и звала за собой, дальше, дальше — до самого края света.

* * *

Брезя хватились на белой заре, когда костры догорели и пора было расходиться по займищам. Раньше Милава не искала его — ей было так весело, и она надеялась, что Брезь веселится тоже. Но вот появилась удивленная

и обиженная Брусничка, понятия не имеющая, где он и с кем он. К белой заре все собрались опять на луговину, все девушки были наперечет, а Брезя не было. Вешнички обеспокоились — Брезь не маленький, чтобы просто заблудиться. Едва дождавшись, чтобы рассвело поярче, всей толпой собрались искать его.

Теперь березняк стал не тот — меж стволами колебались серые тени уползающей ночи, трава и листва серебрились холодной росой, и дрожь окатывала с головы до ног от прикосновения к ней. Девушки зябли, терли руками плечи. Конечно, роса месяца кресеня приносит красоту, но так и простыть недолго! Никому не хотелось углубляться в березняк: разом все вспомнили, что пришел месяц кресень, пора берегинь, прекрасных, лукавых, бессердечных дочерей Дажьбога. Тут и там на ветках берез висели венки, которые вчера дарили берегиням, — увядшие, поблекшие, словно седые под налетом росы. Девушки пугливо жались друг к другу, парни старались храбриться, но на сердце у каждого было смутно, рука крепко сжимала оберег на груди. А лучшим оберегом для парня сейчас была рука подруги — таких берегини не трогают.

По двое, по трое и четверо парни и девушки рассыпались по березняку, боязливо-негромко окликали пропавшего брата, но не называли его по имени — берегиням и прочим лесным жителям незачем его знать. Все непрестанно аукались, старались не отрываться далеко, не терять других из виду.

Милага волновалась больше всех. Ей казалось, что все бестолково топчутся на месте, только аукаются возле самой опушки. У нее мелькнула было мысль, что Брезь уже ушел в Звончев, но она прогнала ее — не может быть, чтобы он ушел навсегда, не попрощавшись с ней! С ним что-то случилось! То и дело Милага отбегала от сестер,

заглядывала за каждое дерево, пыталась рассмотреть следы на серебристой от росы траве. Ее звали назад, но Милава никого не слушала. Она тоже боялась берегинь, тоже вздрагивала, слышав шорох и треск веток, но все же шла и шла вперед, все дальше от опушки.

Она вышла на знакомое место — здесь они вчера с другими девушками приносили свои жертвы Ладе и берегиням. На маленькой полянке ветви молодых берез были заплетены венками, украшены цветами и лентами. Вон на ту березку Милава повесила вчера утром вышитую рубашу в дар берегине. Дары других девушек висели на ветвях, а ее рубахи не было. Милава огляделась, думая, не сбросило ли ее ветром, но нигде на мокрой траве не виднелось белого полотна. Зябко обнимая себя за плечи, Милава все смотрела на пустую березку и не могла поверить. Берегини взяли ее рубашку! В другой раз это порадовало бы и ее, и всякую другую девушку ожиданием ответного дара дочерей Дажьбога, но теперь Милава встревожилась еще больше. Берегини здесь, близко! И брат ее был ночью в березняке один...

Милава подняла голову, набрала воздуха, хотела закричать и не посмела. Рядом ощущалось чье-то присутствие. Чей-то взгляд следил за ней из-за ветвей, кто-то зорко рассматривал ее, сам оставаясь невидимым, но Милава ощущала этот взгляд, словно прохладную тягу сквозняка.

Молоденькая березка, украшенная венками, ростом лишь чуть повыше самой Милавы, задрожала тонкими веточками, заблестела листочками в серебре росы. Тихий, едва уловимый смех плеснул где-то за стволами — или это ветер прошуршал по ветвям?

«Иди! — шепнул чей-то голос прямо в уши Милаве. — Иди, он там!» Милава не сводила глаз с березки, уверенная, что это деревце говорит с ней. «Да, да!» — березка

быстро кивала кудрявой головой, каждый листочек ее дрожал, словно она рассказывала что-то сотней языков, но слабый человеческий слух различал только ровный мягкий шелест. Нежный смех за ветвями послышался громче — кто-то звал ее, а может, заманивал.

Какая-то сила потянула Милаву вперед, потянула, преодолевая неуверенность и испуг. Березняк словно раздвигался, давая ей дорогу. Березки махали зелеными рукавами, указывая путь, и Милава побежала, не в силах удержаться, словно ногами ее двигал кто-то другой. Подбрав подол рубахи, Милава летела все дальше от опушки, уже не оглядываясь, мокрая трава зябко хлестала ее по ногам. Ауканье сестер давно растаяло вдаль, вокруг Милавы был только переменчивый шелест листвы. С пугающей остротой Милава ощущала, что она одна здесь, среди березового смеха, единственный теплый живой человек среди холода листвы в росе. И весь этот холод жадно тянулся к ней, стремился выпить ее тепло, так необходимое травам и деревьям в пору роста и цветения — поэтому весной и приносят жертвы.

Венки на ветвях давно кончились, так далеко сюда никто не заходил. Где-то впереди, уже близко, должно быть Святоозеро. Милава никогда не видела его — только самые уважаемые женщины на Макошиной неделе ходили к нему с жертвами. Для молодежи оно считалось почти запретным, и Милава даже боялась выйти к его берегам, но та же непонятная сила несла и несла ее все дальше. Вот так, наверное, кружат вокруг бузинного куста замороченные Лесным Дедом путники и не могут выйти из круга.

Святоозеро возникло перед ней внезапно — тусклое серебро сгустилось из тумана, и Милава едва не ступила в воду, прежде чем заметила ее. Отпрыгнув назад, она увидела вокруг себя темные стволы дубов, сменивших

березы. Чувствуя себя виноватой, нарушившей запрет, Милава поклонилась озеру, но в шуме дубовой листвы не уловила осуждения. Перуновы деревья знали, что она пришла сюда не по своей воле. Не они ли ее и позвали?

Милава огляделась и вдруг вскрикнула — в трех шагах от нее на берегу, в полшаге от воды, лежал человек. Он лежал лицом вниз, но Милава сразу узнала Брезя — как же она могла его не узнать? Его светлые волосы были влажными от росы и потемнели, а в руке его была зажата половинка разорванного венка.

Бросившись к брату, Милава подняла его голову, попыталась перевернуть, но не смогла. Тело Брезя показалось ей очень тяжелым, и она чуть не расплакалась от страха — а вдруг он мертв, ведь покойники, умершие дурной смертью, вот так же тяжелы. Но руки его были теплы, он дышал, только прерывисто и неровно. Всхлипывая от волнения и испуга, Милава тормозила брата, звала его, пыталась поднять. Вся роща вокруг нее была полна невидимой жизнью, но никто не спешил к ней на помощь, березки пересмеивались, качая головами.

Милава принялась аукать и звать родичей, но ничьи голоса не долетали до нее и ее, видно, никто не слышал. Осознав, как далеко они оказались — на самом Свято-озере! — Милава совсем пала духом, словно они с Брезем остались вдвоем в незнакомом пугающем мире. Сидя на примятой траве среди земляничных листьев и белых цветочков, рядом с неподвижным и бесчувственным братом, Милава плакала в отчаянии, утиралась рукавами праздничной рубахи.

Брезь глухо простонал, словно хотел позвать кого-то, но не имел сил. Милава постаралась собраться с духом — надо же что-то делать! Она зачерпнула горстями воды из озера и вылила ее брату на голову. Вода показалась ей очень холодной, от нее разбегалась по телу тревожная

дрожь. В этом озере людям нельзя купаться — в нем купаются берегини, они могут утянуть под воду того, кто мутит их священное озеро.

Возле самого берега в воде покачивалось несколько белых лебединых перьев. А кто-то тихо смеялся на вершинах берез, еле слышно аукал вдали.

Солнце вышло уже высоко, косые лучи озолотили верхушки берез, впервые повеяло теплом. Милава приободрилась немного. Нельзя же ей вечно сидеть на берегу Святоозера рядом с беспмятным Брезем! Надо идти за помощью. «Батюшка-Дуб, помоги, защити нас, пригляди за моим братом!» — мысленно попросила она Перуново дерево, под которым лежал Брезь. Больше здесь было некого просить о помощи. Сдернув с головы нарядный праздничный почелок, расшитый разноцветными узорами, Милава подпрыгнула и забросила его на нижнюю ветку дуба — сейчас ей было больше нечего подарить. Она прислушалась — Дуб не отказал ей в защите. Милава поклонилась дереву, еще раз оглянулась на лежащего Брезя и пошла прочь от берега. Каждый миг она ждала наткнуться на невидимую преграду, каждый миг боялась увидеть озеро снова впереди, а не позади — уж если нечисть взялась тобой забавляться, то так просто не выпустит. Но, видно, Дуб заступился за нее — Милава все шла и шла вперед, дубы давно сменились березами, на ветвях опять появились примятые венки, вот и полянка, где они вчера величали берегинь.

Вдруг совсем рядом, за близкими деревьями, раздался знакомый голос одного из парней Боровиков, Нечая.

— Ау, я здесь! — изо всех сил закричала Милава и кинулась бегом на голос, пока он опять не пропал.

Вот Нечай стоит под березой, а с ним две девушки, его сестра и подружка-Моховушка. Увидев Милаву, они вдруг завизжали от ужаса и бросились бежать, словно на-

Літературно-художнє видання

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета
Вогняний вовк. Князь вовків
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 13.12.2018.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 17,64.
Наклад 8000 пр. Зам. .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета
Огненный волк. Князь волков

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 13.12.2018.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 8000 экз. Зак. .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

У тілі Огнеяра замкнений звір. І як не намагався княжич приборкати вовчу сутність, природа перевертня взяла своє. Тепер Огнеяр змушений покинути рідний Чуробор, відмовитися від любові ясноокої Мілави та податися до лісу. Там вовку і місце. Але людський світ не відпускає перевертня. У Чуроборі розпочинається запекла битва за престол. Суперники гідні, могутні й підступні. Але в Огнеяра немає іншого шляху. На нього чекає запеклий герць за право на владу. І за право знову побачитися з тією, яка змогла приборкати вовка...

Дворецкая Е.

Д24 Огненный волк. Князь волков : роман / Елизавета Дворецкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 336 с.

ISBN 978-617-12-5048-2

В теле Огнеяра заперт зверь. И как ни пытался княжич приручить волчью сущность, природа оборотня взяла свое. Теперь Огнеяр вынужден покинуть родной Чуробор, отказаться от любви ясноокой Милавы и податься в лес. Там волку самое место. Но человеческий мир не отпускает оборотня. В Чуроборе разгорается ожесточенная битва за престол. Соперники достойны, могучи и коварны. Но у Огнеяра нет другого пути. Он должен вступить в эту судьбоносную схватку за право на власть. И за право вновь увидиться с той, которая смогла приручить волка...

УДК 821.161.1

В жилах Огнеяра течет волчья кровь. Он — оборотень, сын бога Велеса. В Стае его прозвали Серебряным Волком. Гордый и сильный, с острым взглядом, от которого не спрячется никто и ничто. Ему не страшны ни меч, ни стрелы, ни даже волшебный клинок или копьё. Разве место такому среди простых смертных? Но тропа зверя все же соприкасается с человеческой дорогой. Огнеяр встречается с прекрасной ясноокой Милавой. Ради ее любви княжич-оборотень не побоится схлестнуться со Стаей и даже с тем, кого называют Белым Волком...